

РАЗДЕЛ 1.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Дружинин А. Г.^{1,2}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Институт географии РАН, Москва, Российская Федерация

E-mail: alexdru9@mail.ru

В современной России городские агломерации выступают узловым, наиболее сложным и динамичным компонентом пространственного развития, демонстрирующим не только социально-экономическую, но и этнодемографическую специфику. Цель статьи — выявление важнейших детерминант и особенностей этнической структуры городских агломераций Российской Федерации. Информационной базой выступили данные Всероссийской переписи населения 2020 года. Конкретным объектом анализа — 25 лидирующих по численности населения городских агломераций страны (идентифицируемых как «крупнейшие», с суммарным числом жителей более 1 млн человек каждая), объединяющих 241 муниципальное образование (городские округа, муниципальные районы, муниципальные округа). Приоритетное внимание уделено таким значимым индикаторам как удельный вес в населении русских (либо иных этносов, численно доминирующих в том или ином регионе России), доля лиц, не указавших свою национальность, а также локализация центральноазиатских диаспор (узбеков, таджиков и киргизов). Показано, что подавляющая часть крупнейших городских агломераций (за исключением Казанской, Уфимской и Махачкалинской) может быть типологизирована как «моноэтнические», причём доля русских в «ядрах» агломераций, как правило, понижена. Сопоставимо ниже в «ядрах» агломераций и удельный вес лиц, указавших свою национальную принадлежность, при том что доля представителей народов Центральной Азии, напротив, повышена. Установлена сопряжённость различий этнической структуры крупнейших городских агломераций с центро-периферийными градиентами (общероссийскими и локальными), с факторами природно-селитебной зональности («южная» и сибирская специфика), а также с этнодемографическими особенностями регионов «локализации» агломераций и объединяемых последними конкретными муниципальных образований

Ключевые слова: городские агломерации, муниципальные образования, этническая структура, этнические диаспоры, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Россия в своей пространственной социально-экономической конкретике — сопоставимо «разрежена» (шестикратно уступая среднемировому показателю по плотности населения) и асимметрична, являя, фактически, «архипелаг крупных центров в мире периферии» [1, с. 342]. В тренде урбанизации (ставшей доминантой XX столетия [2], одним из первых глобальных процессов [3]) ведущие, оказавшиеся на приоритетных позициях города («командный состав страны» [4], «яркие точки в «силовом поле» [5, с. 143]) во взаимодействии и системном единстве со своим

окружением стали трансформироваться в городские агломерации. Последние уже с рубежа 1970-х гг. справедливо рассматривались в качестве ключевой формы расселения [6, 7, 8]; их селитебно-хозяйственные «вес» и роль в ещё большей мере возросли в постсоветский период (вопрос этот подробнеем образом ранее рассмотрен в целом ряде работ [9, 10, 11, 12]).

Современная Российская Федерация сочетает выраженную общегосударственную русскую моноэтничность (согласно переписи 2020 года удельный вес численно лидирующего этноса в населении, указавшем свою национальность, достигает 80,9%) с множественными (чётко акцентирующими многонациональность страны и её региональную стратифицированность) «вкраплениями» территорий с иной пропорцией этнической структуры, смещённой в пользу других населяющих Россию национальностей. Так, в частности, в 12 субъектах Федерации (если оставить вне рамок рассмотрения новые российские регионы) доля русских в населении варьирует от 40,4% (Республика Татарстан) до 0,7% (Республика Ингушетия); на них суммарно приходится 21,3 % территории страны и 12,2 % её населения.

Ещё более мозаична этнодемографическая ситуация на муниципальном уровне. В полиэтничном Башкортостане, к примеру, из 54 муниципальных районов в 28 численно преобладают башкиры, в 11 — татары, в 11 — русские, в 2 — марийцы, в 1 — чуваша, а из 10 городских округов в 5 (включая г. Уфа) — наиболее многочисленным этносом являются русские, в 2 — татары и в 1 — башкиры. В целом в моноэтничной Иркутской области (92,2% — русские) из 41 муниципального образования (городские и районные) в 5 численно преобладают буряты, причём таксономическим уровнем ниже имеет место и более дробная дифференциация: в Ольхонском районном муниципальном образовании («бурятском») из 7 сельских поселений буряты численно преобладают в 3, русские — в 3 и в одном имеет место этнодемографический паритет.

Процессы урбанизации и территориальной концентрации (включая центроориентированные миграции, в том числе трансграничные) протекают, в итоге, в весьма сложном, различающемся «от места к месту» сельско-городском континууме. Последний проецируется на этнодемографическую специфику городских агломераций, обуславливая их конкретные параметрические характеристики. Выявление важнейших детерминант и особенностей этнической структуры крупнейших городских агломераций Российской Федерации являет собой цель данной статьи.

Обзор ранее выполненных исследований. Работы российских авторов на «стыке» геоурбанистики и этногеографии столь же актуализированы и востребованы, сколь, в целом, немногочисленны. Информационно и методологически они опираются на накопленный отечественной географией опыт анализа особенностей этнической структуры населения в разрезе как отдельных регионов [13], так и, более дробно, объединяемых ими муниципальных образований [14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Преимущественное внимание, при этом, обращается на этнодемографическую специфику городов [22, 23], включая присущие урбанистическим центрам элементы пространственной сегрегации по этническим

**ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

признакам и локализации этнических диаспор [24, 25]. Эта ситуация соответствует зарубежному исследовательскому мейнстриму, сфокусированному именно на этногеографической тематике городских поселений, в первую очередь крупнейших [26, 27, 28, 29]. Присутствует в современной международной исследовательской повестке и достаточно чётко выраженная установка на рассмотрение городов в единстве с их непосредственным окружением [30, 31, 32, 33, 34], тематически приоритетная и методологически значимая и для современной России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российском исследовательском сообществе сложилось превалирующее понимание городской агломерации как «компактной пространственной группировки городских и сельских поселений, объединённых многообразными и интенсивными взаимосвязями» [35, с. 74]. Общее число идентифицируемых в Российской Федерации городских агломераций оценивается, при этом, как близкое к 170 [12]. Поскольку представления о географических границах агломераций (и, соответственно, их оцениваемой людности) варьируют [9], при идентификации «крупнейших городских агломераций» взят за основу подход к структурированию и делимитации, агломераций (объединению в их составе тех или иных муниципальных образований), изложенный в «Методических рекомендациях по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций» [37], относящий к числу «крупнейших» компактные группировки сопряжённо функционирующих поселений с населением от 1 млн. человек каждая. Подобного рода городских агломераций идентифицировано 25; суммарно они объединяют 241 муниципальное образование (городские округа, муниципальные округа, муниципальные районы); в них проживает (согласно проведённой в 2021 году переписи) более 60,5 млн. человек, т.е. 41,2 % населения России (без учёта её новых регионов).

Крупнейшие городские агломерации отличаются своей «разноразмерностью» с почти 19-кратной дифференциацией демографического потенциала между лидером, Московской агломерацией (чьё исследование проведено в границах, определённых в [36]), и Тульско-Новомосковской, замыкающей рейтинг по численности населения. Велики различия и по таким значимым (в том числе для этнической структуры) параметрам как доля конкретной агломерации в численности населения «своего» региона (лишь в 8 она ниже 50 %, в том числе в Махачкалинской и Краснодарской – менее одной трети) и демографическая роль в агломерации доминирующего города (в Самаро-Тальятинской, Кемеровской и Новокузнецкой агломерациях в их «ядре» сконцентрировано менее 50 % населения). Характерно, также, что только 4 крупнейших городских агломерации России (Казанская, Уфимская, Ижевская и Махачкалинская) приурочены к территориям, на которых удельный вес русского населения составляет менее 80 % (т.е. вне «русского этнического мегаядра», в понимании последнего В.Н. Стрелецким [20]).

В этногеографическом контексте России именно удельный вес русского населения выступает ключевым структуроформирующим типологическим признаком. Помимо его сфокусированного рассмотрения, исследование

ориентировано на выявление баланса доминантных в контуре агломерации (в том числе на муниципальном уровне) этносов, учёте локальных особенностей доли в населении лиц, не указавших свою национальность, а также представителей ключевых этнических диаспор народов Центральной Азии (узбеки, киргизы, таджики). Представленный в статье анализ выполнен с опорой на данные Всероссийской переписи населения 2020 года (фактически проведённой в сентябре 2021 года).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Множественности сложившихся на территории Российской Федерации крупнейших городских агломераций, а также их типологическому разнообразию (по масштабу, функционалу, структурным характеристикам) соответствует и фактическая инвариантность присущей им этнической структуры.

Проведённое исследование позволяет, прежде всего, вычленить имеющую место принципиальную тождественность между этнодемографическими особенностями конкретной городской агломерации и вмещающего (вмещающих, учитывая, что Казанская, Краснодарская, Московская и Санкт-Петербургская агломерация по своей локализации – бирегionalны) их субъекта РФ, своего рода *этнодемографический регионализм* (табл. 1).

В подавляющей части ситуаций (15 из 25) удельный вес русских в населении агломерации несколько выше, чем в целом в соответствующем регионе, что позволяет рассматривать крупнейшие урбанизированные территории не только в качестве узлов активной межэтнической концентрации и коммуникации, но и интеграторов пространства страны, её «скрепов». Характерно, также, что в ядрах агломераций доля русских в структуре населения в большинстве случаев понижена (за исключением «этнических территорий», а также регионов с высокой миграционной привлекательностью городов для русского населения).

Таблица 1.

Стратификация регионов России и локализованных в них крупнейших городских агломераций по удельному весу в их населении русских

Доля русских*	Регионы	Крупнейшие городские агломерации
Более 80 %	Воронежская (95,6), Кемеровская (95,3), Нижегородская (95,2), Новосибирская (94,2), Тульская (94,1), Ленинградская (93,7), Красноярский край (93,6), Волгоградская область (92,5), Краснодарский край (92,3), Свердловская (92,3), Иркутская (92,2), Московская (92,1),	Воронежская (96,7), Кемеровская (95,7), Новосибирская (95,4), Нижегородская (95,0), Новокузнецкая (94,8), Тульско-Новомосковская (94,7), Красноярская (94,4), Волгоградская (94,2), Иркутская (93,9), Пермская (92,8), Саратовская (91,9),

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Продолжение таблицы 1.

Доля русских*	Регионы	Крупнейшие городские агломерации
	Ростовская (91,7), Санкт-Петербург (90,6), Москва (90,2), Саратовская (89,7), Самарская (89,6), Пермский край (89,4), Омская (88,7), Челябинская (86,3), Тюменская (85,8), Ставропольский край (82,9)	Ростовская (91,8), Самаро-Тольяттинская (91,6), Екатеринбургская (91,2), Санкт-Петербургская (91,0), Краснодарская (90,9), Московская (90,5), Ставропольская (90,1), Омская (89,6), Челябинская (85,8), Тюменская (85,2)
От 50 до 80 %	Удмуртская Республика (67,7)	Ижевская (74,9)
Менее 50 %	Республика Татарстан (40,4), Республика Башкортостан (37,5), Республика Дагестан (3,3),	Казанская (48,4), Уфимская (46,6), Махачкалинская (5,7)

* от общего числа лиц, указавших свою национальность.

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года.

В 17 агломерациях (включая Московскую и Санкт-Петербургскую) доля русских в населении превышает средний по стране показатель; в 3 (Махачкалинская, Уфимская и Казанская, где в этнической структуре, кстати, нет явной этнической доминанты) — она составляет менее половины всех локализованных в пределах агломерации жителей. В условиях России моноэтничность агломерации, в итоге, означает исключительно русскую моноэтничность и приурочена она именно к основному ареалу русского населения. Вне данного ареала все без исключения городские агломерации либо биэтнические (Казанская), либо полиэтнические (Уфимская, Махачкалинская).

Наиболее низким удельным весом русских (5,6%) отличается Махачкалинская агломерация (доля русских в этнической структуре Республики Дагестан в целом — 3,2%). В условиях присущего Дагестану многообразия автохтонных этносов удельный вес ни одного из них в контуре Махачкалинской агломерации не превышает, при этом, 25 % от всего населения. Имеет место здесь и выраженная, обусловленная локальными особенностями (расселением конкретных этносов, что проявляется в этнической специфике входящих в состав агломерации двух муниципальных районов с выраженным превалированием кумыков) **инверсия этнической структуры**: повышенная (в сопоставлении в Дагестаном в целом) доля в населении агломерации кумыков и лакцев и, напротив, пониженная — аварцев, наиболее крупного этноса республики (табл. 2).

Таблица 2.

Крупнейшие народы Дагестана в этнической структуре муниципальных образований Махачкалинской городской агломерации

Муниципальные образования	Численность, тыс. чел				
	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины
Махачкала	190	115	141	88	103
Каспийск	12	21	10	14	37
Карабудахкентский МР	1	30	67	1	1
Кумторкалинский МР	6	2	19	0,0	0,0
Всего по агломерации	209	168	237	103	141
Доля в населении агломерации, %	20,7	16,6	23,5	10,2	14,0
Доля в населении ядра агломерации, %	25,0	15,2	18,6	11,6	13,6
Доля в населении всего Дагестана, %	30,0	16,4	15,6	5,1	13,1

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года.

В подавляющей части ситуаций (15 из 25) удельный вес русских в населении агломерации несколько выше, чем в целом в соответствующем регионе, что позволяет рассматривать крупнейшие урбанизированные территории не только в качестве узлов активной межэтнической концентрации и коммуникации, но и интеграторов пространства страны, её «скрепов». Характерно, также, что в ядрах агломераций доля русских в структуре населения в большинстве случаев понижена (за исключением «этнических территорий», а также регионов с высокой миграционной привлекательностью городов для русского населения).

В 17 агломерациях (включая Московскую и Санкт-Петербургскую) доля русских в населении превышает средний по стране показатель; в 3 (Махачкалинская, Уфимская и Казанская, где в этнической структуре, кстати, нет явной этнической доминанты) — она составляет менее половины всех локализованных в пределах агломерации жителей. В условиях России *моноэтничность* агломерации, в итоге, означает исключительно русскую моноэтничность и приурочена она именно к основному ареалу русского населения. Вне данного ареала все без исключения городские агломерации либо *биэтнические* (Казанская), либо полиэтнические (Уфимская, Махачкалинская).

Наиболее низким удельным весом русских (5,6%) отличается Махачкалинская агломерация (доля русских в этнической структуре Республики Дагестан в целом — 3,2%). В условиях присущего Дагестану многообразия автохтонных этносов удельный вес ни одного из них в контуре Махачкалинской агломерации не превышает, при этом, 25% от всего населения. Имеет место здесь и выраженная,

**ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

обусловленная локальными особенностями (расселением конкретных этносов, что проявляется в этнической специфике входящих в состав агломерации двух муниципальных районов с выраженным превалированием кумыков) **инверсия этнической структуры**: повышенная (в сопоставлении в Дагестаном в целом) доля в населении агломерации кумыков и лакцев и, напротив, пониженная — аварцев, наиболее крупного этноса республики (табл. 3).

Таблица 3.

Удельный вес русских и татар в этнической структуре муниципальных образований Казанской городской агломерации, %

Муниципальные образования	татары	русские
г. Казань	46,5	44,6
г. Волжск	9,7	70,0
Верхнеуслонский МР	25,2	63,7
Высокогорский МР	65,8	31,8
Зеленодольский МР	38,8	55,2
Лаишевский МР	42,1	53,5
Пестречинский МР	53,2	41,9
Всего по агломерации	44,0	46,4

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года.

Внутренняя мозаичность этнической структуры (в пространственном аспекте), своего рода её **локальная (муниципальная) детерминанта**, чётко просматривается и для Казанской агломерации, предопределяя некоторое различие в пропорции в численности татар и русских в самой Казани (46,5 и 44,6 % соответственно) и в целом по всей групповой системе расселения (44,0 и 46,4).

Этническая **бинальность** Казанской агломерации (табл. 4) в последние годы, тем не менее, фактически «размывается» с некоторой асимметрией в пользу татарского населения, что наглядно иллюстрирует данные двух последних переписей. Так, в частности, в этнической структуре г. Казань за 2010-2021 гг. доля татар сократилась на 0,9 процентных пункта (в целом по Республике на 1,0 процентный пункт), а русских — 4,3 процентных пункта (по Татарстану в целом — на 0,5).

Инновацией последних лет оказался и в существенной мере приуроченный именно к крупнейшим городским агломерациям тренд стремительного роста в переписной статистике числа и доли лиц, «не указавших свою национальность» (табл. 4).

Этот феномен, акцентирую, уместно интерпретировать и как дефект самой переписи, её технологический изъян, и как, одновременно (альтернативно) — отражение некоторого объективного (лишь фиксируемого переписным учётом) «размывания» традиционной для России и её регионов этнической структуры под влиянием глобализации и евразийской интеграции, появление своего рода этнической «серой зоны».

Таблица 4.

Русские в РСФСР / Российской Федерации

Год	Число лиц, указавших свою национальность как «русский», чел.	Доля в общей совокупности лиц, указавших свою национальность, %	Доля в общей численности населения, %	Число лиц, не указавших свою национальность, чел.	Доля лиц, не указавших свою национальность, от общей численности населения %
1959	97863579	83,3	83,3	2463	0,0
1970	107747630	82,8	82,8	12867	0,01
1979	113521881	82,6	82,6	316	0,0
1989	119865946	81,6	81,5	15513	0,01
2002	116035706*	80,7	79,9	1460751	1,01
2010	111087582*	81,0	77,8	5629429	3,94
2021	105631901*				

* русские + казаки + поморы ** без учёта Крыма

Составлено автором по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

Существенная вариация доли лиц, не указавших свою национальную принадлежность, между российскими крупнейшими городскими агломерациями (табл. 5) свидетельствует, что максимизирующиеся в условиях высокоурбанизированной территории дефекты переписного учёта с высокой степенью вероятности сочетаются именно с этнокультурной инновацией, разворачивающейся в пространстве в соответствии с его этнодемографическими и центро-периферийными особенностями.

Таблица 5.

Удельный вес лиц, не указавших свою национальную принадлежность, в населении крупнейших городских агломераций России

Территория	% не указавших свою национальную принадлежность		
Россия в целом	11,26		
Крупнейшие городские агломерации России			
Наименование	Вся агломерация	Её ядро	Её периферия
Московская	20,1	22,7	14,5
Санкт-Петербургская	15,9	15,8	16,1
Самарская	7,1	9,1	5,6
Екатеринбургская	12,6	16,5	4,7
Новосибирская	20,4	24,3	9,8
Ростовская	9,6	11,0	8,0

**ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Продолжение таблицы 5.

Территория	% не указавших свою национальную принадлежность	Территория	% не указавших свою национальную принадлежность
Нижегородская	25,7	30,4	14,8
Краснодарская	7,0	8,1	4,3
Казанская	4,1	4,8	2,1
Челябинская	14,0	15,8	9,5
Уфимская	2,4	2,3	2,7
Волгоградская	15,7	16,9	13,3
Красноярская	14,0	15,3	6,3
Омская	11,9	14,2	3,5
Кемеровская	5,5	2,0	7,8
Новокузнецкая	11,0	14,5	8,1
Воронежская	8,0	9,2	3,8
Пермская	13,0	14,6	7,6
Саратовская	14,9	17,8	7,8
Тюменская	17,7	22,1	3,7
Ставропольская	3,9	5,9	1,9
Иркутская	18,7	25,3	9,8
Ижевская	18,4	25,9	6,7
Махачкалинская	1,9	2,1	1,4
Тульская	8,3	11,1	5,0

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года.

Характерно, что в лидерах здесь Нижегородская, Новосибирская и Московская агломерации, а наименее выражено наличие лиц, «не указавших национальность» — в городских агломерациях Юга России (исключая Волгоградскую), а также в Махачкалинской, Уфимской и Казанской городских агломерациях (полиэтнизм, этнокультурная порубежность, вне сомнения, мотивируют бóльшую этническую определённую, как, впрочем, и этнокультурный традиционализм, более укоренённый именно за пределами ведущих «центральных зон» социально-экономической системы России). Данной инновации присуща (за исключением Санкт-Петербургской, Кемеровской и Уфимской агломераций) и очевидная межмуниципальная центрально-периферийная детерминанта: «размывание идентичности» активнее протекает в ядре городских агломераций. В самих агломерациях доля лиц, не указавших национальную принадлежность, выше, чем в соответствующем регионе (кроме Ставропольского края и Челябинской области).

Крупнейшие городские агломерации (судя по данным переписи) вмещают и подавляющую (более 50%) часть всей учтённой переписной процедурой численности локализованных в Российской Федерации представителей крупнейших народов Центральной Азии (узбеков, таджиков и киргизов). Крупнейшими ареалами

размещения соответствующих диаспор выступают Московская агломерация (136 тыс.), Екатеринбургская агломерация (34 тыс.), Санкт-Петербургская агломерация (34 тыс.), а также Красноярская (28 тыс.), Самарская (25 тыс.) и Новосибирская (22 тыс.) городские агломерации; в Красноярской и Екатеринбургской агломерациях доля представителей трёх центральноазиатских диаспор, при этом, существенно превышает усреднённые (и по России, и по её крупнейшим агломерациям) значения (табл. 6).

Таблица 6.

Удельный вес узбеков, таджиков и киргизов (суммарно) в населении крупнейших городских агломераций России, %

Территория	% узбеков, таджиков и киргизов (суммарно)			МО — формирующиеся анклавные диаспоры народов Центральной Азии
Россия в целом	0,6			
Крупнейшие городские агломерации России				
Наименование	Вся агломерация	Её ядро	Её периферия	
Московская	0,7	0,5	1,1	Котельники (7,8), Бронницы (3,1), Раменский ГО (3,1)
Санкт-Петербургская	0,5	0,5	0,7	Кировский МР (1,4)
Самарская	0,9	1,1	0,8	Красноармейский МР (2,2), Волжский МР (1,4)
Екатеринбургская	1,4	1,7	0,7	ГО Верх-Нейвинский (2,9), ГО Арамилевский (2,7)
Новосибирская	1,0	1,1	0,7	ГО Обь (2,2)
Ростовская	0,4	0,6	0,1	-
Нижегородская	0,3	0,3	0,4	-
Краснодарская	0,3	0,2	0,4	Тахтамукайский МР (0,7)
Казанская	0,8	0,9	0,6	Лаишевский МР (1,5)
Челябинская	0,9	0,9	0,7	-
Уфимская	0,6	0,6	0,5	-
Волгоградская	0,3	0,2	0,4	Городищенский МР (2,2)
Красноярская	2,1	2,3	0,7	-
Омская	0,3	0,3	0,3	-

**ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Продолжение таблицы 6.

Наименование	Вся агломерация	Её ядро	Её периферия	МО — формирующиеся анклавные диаспоры народов Центральной Азии
Кемеровская	0,4	0,5	0,3	Ленинск-Кузнецкий МР (0,9)
Новокузнецкая	0,7	1,1	0,4	Прокопьевский МР (1,3)
Воронежская	0,4	0,4	0,3	-
Пермская	0,6	0,6	0,4	-
Саратовская	0,3	0,3	0,3	Татищевский МР (1,1)
Тюменская	1,0	1,1	0,6	-
Ставропольская	0,3	0,2	0,4	Шпаковский МР (1,1)
Иркутская	0,7	0,8	0,6	-
Ижевская	0,3	0,4	0,2	-
Махачкалинская	0,0	0,0	0,0	-
Тульская	0,6	0,6	0,6	Узловский МР (1,2)

Составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года.

В ядрах агломераций удельный вес представителей этносов Центральной Азии, как правило, выше, чем на их периферии. Исключение составляют столичные Московская и Санкт-Петербургская агломерации, а также некоторые агломерации Юга России (Краснодарская, Волгоградская, Ставропольская). Отчасти этот феномен связан с формированием этнических анклавов на периферии агломераций (табл. 6); наиболее выражен данный процесс в городе Котельники Московской области. Сопоставимо меньшей притягательностью для диаспор народов Центральной Азии отличаются би- и полиэтнические агломерации (в особой мере — Махачкалинская).

ВЫВОДЫ

Будучи поливариантной (с превалированием русской моноэтничности и одновременным наличием вне основного ареала расселения русского населения конкретных ситуаций би- и полиэтничности), этническая структура крупнейших городских агломераций России зависит:

– от этнической структуры «своего» региона (или регионов, учитывая, что Московская, Санкт-Петербургская, Казанская и Краснодарская агломерации — бирегionalны), что позволяет идентифицировать феномен этнодемографического регионализма, поддерживаемый концентрацией населения региона, его релокацией

в пределы агломерации и, одновременно, деконструируемый межрегиональными и межстрановыми миграциями;

– от этнической специфики объединяемых агломерацией муниципальных образований, или, иначе — локальной (муниципальной) детерминанты этнической структуры, причём в перспективе (в силу многих факторов, включая «расползание» агломераций) тождественность между этнической структурой агломераций и этнической структурой соответствующих им регионов (субъектов федерации) будет, вне сомнения, нарастать;

– от «размера» агломерации, её статуса и места в территориальной организации, что позволяет вести речь о центрально-периферийной обусловленности этнической структуры. При этом, чем крупнее агломерация, чем большую социально-экономическую активность она концентрирует, чем обширнее её хинтерланд (сфера влияния), тем в больше её этническая структура коррелирует с ситуацией в России в целом, с общеевразийскими процессами. Наиболее крупные агломерации в наибольшей мере открыты и для значимых (в плане этнического реструктурирования) этнодемографических инноваций — «размывания» русской этнической идентичности и локализации диаспор народов Центральной Азии;

– от селитебно-хозяйственных особенностей территории, связанных с природно-климатической зональностью (поскольку имеет место специфика этнической структуры «южных» агломераций, а также агломераций, функционирующих в специфических условиях Сибири).

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
2. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М: Мысль, 1987. 236 с.
3. Слукa Н. Городское развитие мира в постмаергойзовский период // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф. 2012. С. 498–517.
4. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. 1946. С. 5–14.
5. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль. 1973. 559 с.
6. Лаппо Г.М. Развитие крупных городских агломераций в СССР. М.: Наука. 1978. 152 с.
7. Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика. 1976. 192 с.
8. Полян П.М. Крупные городские агломерации в СССР // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. Вып. 4. С. 428–432.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

9. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационном уровне в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45.
10. Власова Н.Ю., Антипин И.А. Городские агломерации: история, современность, стратегические ориентиры // Известия Уральского государственного экономического университета. 2010. № 3 (29). С. 106–112.
11. Перчик Е.Н. Проблемы развития городских агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 2. С. 63–69.
12. Швецов А.Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 45–65.
13. Манаков А.Г. Этническая неоднородность городского и сельского населения регионов России по итогам переписи 2021 года // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 4. С. 49–61.
14. Богатуров Д.С. Особенности этнического расселения в Карачаево-Черкесской республике // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3. С. 171–177.
15. Дружинин А.Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России (аналитика и комментарий к итогам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 9–20.
16. Белозеров В.С., Черкасов А.А. Региональные особенности формирования этнической структуры городского населения России // Проблемы региональной экологии. 2013. № 3. С. 218–220.
17. Сафронов С.Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153.
18. Манаков А.Г. Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 5. С. 687–698.
19. Дружинин А.Г. «Кавказская составляющая» этнодемографической структуры регионов Юга России: постсоветская динамика // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17. № 3. С. 58–71.
20. Стрелецкий В.Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южнороссийский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011, № 1 (2). С. 51–72.
21. Житин Д. В. Изменение в расселении русского этноса в пределах Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 3. С. 67–82.
22. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Анклализация как стратегия межэтнических взаимодействий в крупном городе // ЭКО. 2017. № 10 (520). С. 36–51.
23. Верещагин И.Ф., Максимов А.М. Этноконфессиональные факторы комфортности городского пространства в АЗРФ // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 110–132.
24. Вендина О.И. Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? / Миграционная ситуация в регионах России. Выпуск 3. М.: Центр миграционных исследований. 2005. 88 с.
25. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 425–449.
26. Arbaci S., Malheiros J. (2010) De-segregation, peripheralisation and the social exclusion of immigrants: Southern European cities in the 1990s // Journal of Ethnic and Migration Studies. № 36(2). Pp. 1025–1032.
27. Blom S. (1999) Residential Concentration Among Immigrants in Oslo. International Migration. Vol. 37. No. 3. P. 617–641.
28. Bolt, G. (2009). Combating residential segregation of ethnic minorities in European cities. Journal of Housing and the Built Environment, 24(4), 397–405.

29. Musterd, S., Marcińczak, S., van Ham, M., & Tammaru, T. (2017). Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich. *Urban Geography*, 38(7), 1062–1083.
30. Iceland J., Scopilliti M. (2008) Immigrant Residential Segregation in US Metropolitan Areas, 1990—2000. *Demography*. Vol. 45. No. 1. P. 79–94.
31. Benassi F., Bonifazi C., Heins F., Lipizzi F., Strozza S. (2008). Comparing Residential Segregation of Migrant Populations in Selected European Urban and Metropolitan Areas // *Spatial Demography*. Vol. 8. Pp. 269–290.
32. Grzegorzczuk A. (2013) Social and ethnic segregation in the Paris metropolitan area at the beginning of the 21st century // *Miscellanea Geographica*. T. 17. №. 2. С. 20–29.
33. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2021) Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence // *Review of Economics and Statistics*. T. 103. №. 3. С. 521–532.
34. Logan J. R., Alba R. D., Zhang W. (2002) Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles // *American sociological review*. T. 67. №. 2. С. 299–322.
35. Махрова А.Г. Городская агломерация // *Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 74 с.*
36. Глушкова В.Г. Московская агломерация // *Москва: Энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт; сост.: М.И. Андреев, В.М. Карев. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. 976 с.*
37. Методические рекомендации по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 26 сентября 2023 года, № 669 [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/1573623717da9263b7e6533b267667ee/metodicheskie_rekomendacii_po_razrabotke_dolgosrochnyh_planov_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_krupnyh_i_krupnyshih_gorodskih_aglomeraciy.pdf (Дата доступа 29.02.2024).

THE RUSSIAN ECONOMICO-GEOGRAPHICAL RESEARCH AT THE MUNICIPAL LEVEL: THE TRADITION AND MODERNITY

Druzhinin A. G.^{1,2}

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

²*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*
E-mail: alexdru9@mail.ru

In modern Russia, urban agglomerations act as the nodal, most complex and dynamic component of spatial development, demonstrating not only socio-economic, but also ethnodemographic specifics. The purpose of the article is to identify the most important determinants and features of the ethnic structure of urban agglomerations of the Russian Federation. The information base was the data of the All-Russian Population Census in 2020. The specific object of the analysis is the 25 leading urban agglomerations of the country in terms of population (identified as the "largest", with a total number of inhabitants of more than 1 million. each person), uniting 241 municipalities (urban districts, municipal districts, municipal districts). Priority attention is paid to such significant indicators as the proportion of Russians in the population (or other ethnic groups numerically dominant in a particular region of Russia), the proportion of people who did not indicate their nationality, as well as the localization of Central Asian diasporas (Uzbeks, Tajiks and Kyrgyz). It is shown that the vast majority of the largest urban agglomerations (with the exception of Kazan, Ufa and Makhachkala) can be typologized as "mono-ethnic", and the share of Russians in the "cores" of agglomerations,

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

as a rule, is reduced. The proportion of persons who indicated their nationality is comparatively lower in the "cores" of agglomerations, while the proportion of representatives of the peoples of Central Asia, on the contrary, is increased. The correlation of differences in the ethnic structure of the largest urban agglomerations with central-peripheral gradients (national and local), with factors of natural and residential zonality ("southern" and Siberian specifics), as well as with ethnodemographic features of the regions of "localization" of agglomerations and specific municipalities united by the latter has been established.

Keywords: urban agglomerations, municipalities, ethnic structure, ethnic diasporas, Russia.

References

1. Trejvish A.I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda [City, district, country and world. The development of Russia through the eyes of a country scientist]. M.: Novyj hronograf. 2009. 372 s.
2. Lappo G.M. Goroda na puti v budushchee [The cities on the way to the future]. M: Mysl', 1987. 236 s.
3. Sluka N. Gorodskoe razvitie mira v postmaergojzovskij period [Urban development of the world in the postmodern period]// Geograficheskoe polozhenie i territorial'nye struktury: pamyati I.M. Maergojza. M.: Novyj hronograf. 2012. S. 498–517.
4. Baranskij N.N. Ob ekonomiko-geograficheskom izuchenii gorodov [On the economic and geographical study of cities]// Voprosy geografii. Sb. 2. 1946. S. 5–14
5. Saushkin YU.G. Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika [Economic geography: history, theory, methods, practice]. M.: Mysl'. 1973. 559 s.
6. Lappo G.M. Razvitie krupnyh gorodskih aglomeracij v SSSR [Development of large urban agglomerations in the USSR]. M.: Nauka. 1978. 152 s.
7. Pivovarov YU.L. Sovremennaya urbanizaciya: osnovnye tendencii rasseleniya [Modern urbanization: the main trends of settlement]. M.: Statistika. 1976. 192 s.
8. Polyan P.M. Krupnye gorodskie aglomeracii v SSSR [Large urban agglomerations in the USSR]// Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. 1982. Vyp. 4. S. 428–432.
9. Antonov E.V., Mahrova A.G. Krupnejšie gorodskie aglomeracii i formy rasseleniya nadaglomeracionnogo urovnya v Rossii [The largest urban agglomerations and forms of settlement of the supra-agglomeration level in Russia]// Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2019. № 4. S. 31–45.
10. Vlasova N.YU., Antipin I.A. Gorodskie aglomeracii: istoriya, sovremennost', strategicheskie orientiry [Urban agglomerations: History, modernity, strategic guidelines] // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2010. № 3 (29). S. 106–112.
11. Percik E.N. Problemy razvitiya gorodskih aglomeracij [Problems of urban agglomerations development]// Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. 2009. № 2. S. 63–69.
12. Shvecov A.N. Gorodskie aglomeracii v preobrazovanii urbanisticheskogo prostranstva [Urban agglomerations in the transformation of urban space]// Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2018. № 1. S. 45–65.
13. Manakov A.G. Etnicheskaya neodnorodnost' gorodskogo i sel'skogo naseleniya regionov Rossii po itogam perepisi 2021 goda [Ethnic heterogeneity of the urban and rural population of the regions of Russia according to the results of the census of 2021]//Pskovskij regionologicheskij zhurnal. 2023. T. 19. № 4. S. 49–61.
14. Bogaturov D.S. Osobennosti etnicheskogo rasseleniya v Karachaevo-Cherkesskoj respublike [Features of ethnic settlement in the Karachay-Cherkess Republic]// Geopolitika i ekogeodinamika regionov. 2020. T. 6. № 3. S. 171–177.
15. Druzhinin A.G. «Severokavkazskaya sostavlyayushchaya» transformacii etnicheskoy struktury regionov Rossii (analitika i kommentarij k itogam Vserossijskih perepisej naseleniya 2002 i 2010 gg.) ["The North Caucasian component " transformation of the ethnic structure of the regions of Russia (analytics

- and comments on the results of the All-Russian population censuses of 2002 and 2010)] // *Yuzhno-Rossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya*. 2013. № 2 (7). S. 9–20.
16. Belozеров V.S., СHerkasov A.A. Regional'nye osobennosti formirovaniya etnicheskoy struktury gorodskogo naseleniya Rossii [Regional features of the formation of the ethnic structure of the urban population of Russia]// *Problemy regional'noj ekologii*. 2013. № 3. S. 218–220.
 17. Safronov S.G. Sovremennye tendencii transformacii etnicheskogo sostava naseleniya Rossii [Modern trends in the transformation of the ethnic composition of the Russian population]// *Baltijskij region*. 2015. № 3 (25). S. 138–153.
 18. Manakov A.G. Ocenka etnicheskoy transformacii regionov postsovetskogo prostranstva [Assessment of the ethnic transformation of the regions of the post-Soviet space] // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2021. T. 85. № 5. S. 687–698.
 19. Druzhinin A.G. «Kavkazskaya sostavlyayushchaya» etnodemograficheskoy struktury regionov Yuga Rossii: postsovetskaya dinamika ["The Caucasian component" of the ethnodemographic structure of the regions of southern Russia: post-Soviet dynamics] // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2021. T. 17. № 3. S. 58–71.
 20. Streleckij V.N. Sdvigi v etnicheskom rasselenii v Rossii v konce XX – nachale XXI vekov i ih nekotorye kul'turno-geograficheskie aspekty [Shifts in ethnic settlement in Russia in the late XX – early XXI centuries and their some cultural and geographical aspects] // *Yuzhnorossijskij forum: ekonomika, sociologiya, politologiya, social'no-ekonomicheskaya geografiya*. 2011, № 1 (2). S. 51–72.
 21. Zhitin D. V. Izmenenie v rasselenii russkogo etnosa v predelah Rossijskoj Federacii vo vtoroj polovine HKH — nachale XXI v. [Changes in the settlement of the Russian ethnic group in the foothills of the Russian Federation in the second half of the XX — early XXI century] // *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2013. T. 145. Vyp. 3. S. 67–82.
 22. Madyukova S.A., Persidskaya O.A. Anklavizaciya kak strategiya mezhetnicheskikh vzaimodejstvij v krupnom gorode [Enclavization as a strategy of interethnic interactions in a large city]// *EKO*. 2017. № 10 (520). S. 36–51.
 23. Vereshchagin I.F., Maksimov A.M. Etnokonfessional'nye faktory komfortnosti gorodskogo prostranstva v AZRF [Ethnoconfessional factors of comfort of urban space in the Russian Federation] // *Arktika i Sever*. 2019. № 34. S. 110–132.
 24. Vendina O.I. Migranty v Moskve: grozit li rossijskoj stolice etnicheskaya segregaciya? [Migrants in Moscow: is ethnic segregation threatening the Russian capital?]/ *Migracionnaya situaciya v regionah Rossii*. Vypusk 3. M.: Centr migracionnyh issledovanij. 2005. 88 s.
 25. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Faktory i mekhanizmy skladyvaniya mest rezidentnoj koncentracii migrantov vokrug rynkov [Factors and mechanisms of formation of local resident concentration of migrants around markets]// *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. № 5. S. 425–449.
 26. Arbaci S., Malheiros J. (2010) De-segregation, peripheralisation and the social exclusion of immigrants: Southern European cities in the 1990s // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. № 36(2). Pp. 1025–1032.
 27. Blom S. (1999) Residential Concentration Among Immigrants in Oslo. *International Migration*. Vol. 37. No. 3. P. 617–641.
 28. Bolt, G. (2009). Combating residential segregation of ethnic minorities in European cities. *Journal of Housing and the Built Environment*, 24(4), 397–405.
 29. Musterd, S., Marcińczak, S., van Ham, M., & Tammaru, T. (2017). Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich. *Urban Geography*, 38(7), 1062–1083.
 30. Iceland J., Scopilliti M. (2008) Immigrant Residential Segregation in US Metropolitan Areas, 1990–2000. *Demography*. Vol. 45. No. 1. P. 79–94.
 31. Benassi F., Bonifazi C., Heins F., Lipizzi F., Strozza S. (2008). Comparing Residential Segregation of Migrant Populations in Selected European Urban and Metropolitan Areas // *Spatial Demography*. Vol. 8. Pp. 269–290.
 32. Grzegorzczak A. (2013) Social and ethnic segregation in the Paris metropolitan area at the beginning of the 21st century // *Miscellanea Geographica*. T. 17. № 2. S. 20–29.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОПОРЦИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ

33. Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2021) Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence //Review of Economics and Statistics. Т. 103. №. 3. S. 521–532.
34. Logan J. R., Alba R. D., Zhang W. (2002) Immigrant enclaves and ethnic communities in New York and Los Angeles //American sociological review. Т. 67. №. 2. S. 299–322.
35. Mahrova A.G. Gorodskaya aglomeraciya [Urban agglomeration] // Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik / otv. red. A.P. Gorkin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 74 s.
36. Glushkova V.G. Moskovskaya aglomeraciya [Moscow agglomeration]// Moskva: Enciklopediya / gl. red. S. O. SHmidt; sost.: M. I. Andreev, V. M. Karev. M.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1997. 976 s.
37. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke dolgosrochnyh planov social'no-ekonomicheskogo razvitiya krupnyh i krupnejshih gorodskih aglomeracij. Utverzhdeny prikazom Minekonomrazvitiya Rossii ot 26 sentyabrya 2023 goda, № 669 [Methodological recommendations for the development of long-term plans for the socio-economic development of large and largest urban agglomerations. Approved by the order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated September 26, 2023, No. 669]. [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/1573623717da9263b7e6533b267667ee/metodicheskie_rekomendacii_po_razrabotke_dolgosrochnyh_planov_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_krupnyh_i_krupnejshih_gorodskih_aglomeracij.pdf (Data dostupa – 29.02.2024)

Поступила в редакцию 07.05.2024 г.